

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ЭРМИТАЖ

Семинар

**ГЕРАЛЬДИКА –
ВСПОМОГАТЕЛЬНАЯ ИСТОРИЧЕСКАЯ
ДИСЦИПЛИНА**

**Заседание
18 января 2012 года
в 15.00
в Зале Совета
Государственного Эрмитажа**

Составители

И. Д. Ермолаев, В. Г. Вилинбахов

**Вяч. С. Кулешов, А. А. Гомзин,
Н. А. Плавинский**

Новые материалы к истории древнейшей русской геральдики: восточноевропейские граффити с «молотками Тора»

Целью предлагаемого доклада является введение в научный оборот новых материалов к истории древнейшей русской геральдики. Мы намерены поддержать и подкрепить намеченное ранее С. В. Белецким [Белецкий 1996: с. 38–40; 2004: с. 258–259] расширение комплекса геральдических памятников эпохи ранних Рюриковичей (X в.) за счёт рассмотрения двух групп монетных граффити с большими «молотками Тора» (это наименование до известной степени условно). Граффити первой группы (всего 3 экз. из восточноевропейских кладов X в.: Горовляны II 1965 г., Пески 1981–1982 гг. и Борки 1951 г.) представляют собою изображения молотков с трёхзубыми окончаниями, морфологически сопоставимых с *ваджрой* Индры и *перуном* Зевса, посаженных на длинную рукоятку (ср. также позднесредневековые *шестопёры*); особенности изображений этой группы заставляют искать для её обозначения особый термин (например, «перуномолоты»). Вторая группа представлена единственным граффито из Борковского клада 1958 г., представляющим собою изображение массивного «мечемолота», в основных чертах аналогичного «мечемолоту» уникальной геральдической подвески времени Владимира Святославича из Рождественского могильника (последняя, правда, имеет заметно более «тонкие» пропорции) и — по форме навершия — «мечетрезубцу» из Ериловского клада.

Использованы фотографии Н. А. Плавинского (монета из Горовлян), Н. М. Смирновой (монета из Песков), А. А. Гомзина (монеты из Борков) и К. О. Волкова (монета из Ерилова). Все прорисовки граффити выполнены Вяч. С. Кулешовым. Рисунок подвески из Рождественского могильника заимствован из публикации [Крыласова, Бочаров 1994].

§ 1. Граффито из Горовлянского II клада 1965 г.

Горовлянские I и II монетно-вещевые клады были открыты в 1965 г. в дер. Горовляны Глубокского района Витебской области (Белоруссия). Клад I был найден в поле деревенскими ребятами. В его состав входили 394 целые и фрагментированные монеты: 219 куфических

дирхамов, одностороннее подражание куфическому дирхаму (брактеат), 174 западноевропейских денария, серебряный лом (фрагменты ювелирных украшений, обломки дрота и бесформенный кусок серебра), пиррофиллитовое пряслице и остатки упаковки — лепного горшка. По младшим монетам — денариям 1040–1050-х гг. чеканки — клад датируется серединой XI в.

Проведённое Г. В. Штыховым обследование показало, что I клад сокрыт на средневековом селище. В 2,5 м западнее места находки I клада был заложен шурф размером 2×2 м, в котором был обнаружен II клад. В гончарном горшке находились 185 предметов: 135 сильно фрагментированных монет (130 куфических дирхамов и подражаний, 4 заготовки и 1 чешский денарий), серебряных украшений и трёх десятков бочонковидных золотостеклянных бус. По данным рукописного списка монет клада, составленного В. Н. Рябцевичем (подписан и датирован 10.09.1973 г.; хранится в фондах Национального исторического музея Республики Беларусь), младшая монета — фрагмент чешского денария Болеслава III (999–1003). По мнению одного из авторов настоящего доклада (Вяч. С. Кулешова), эта дата противоречит композиции клада: в нём отсутствует значительная доля западноевропейских монет, а младшие восточные монеты (саманидский и бувайхидский дирхамы) биты в 368 г. х. (978/979). Атрибуция чешского денария не может считаться окончательной: более правдоподобным было бы отнесение его ко времени Болеслава II (967–999). В этом случае дата сокрытия клада будет определяться 980-ми гг.

Одно из двух граффити, зафиксированных на монетах Горовлянского II клада (НГМ РБ, КП 29620), до фрагментации монеты представляло собою изображение (ил. 1, 2), до мелочей совпадающее с изображением на монете из Песковского клада. Оно нанесено перпендикулярно строкам надписи в поле оборотной стороны саманидского дирхама, по эпиграфическим особенностям относимого одним из авторов настоящего доклада (Вяч. С. Кулешовым) к середине — третьей четверти X в. (штемпельное сравнение с монетами из собрания Государственного Эрмитажа пока не проводилось). После фрагментации сохранилась примерно $\frac{1}{3}$ целой монеты; место и год чеканки обломаны, вес 1,66 г, диаметр 25,7 мм.

До сих пор горовлянское граффито публиковалось только в виде неточных прорисовок [Добровольский, Дубов, Кузьменко 1991: рис. 2, 37; рис. 31, 3; кат. 30]. Сопоставление фотографий горовлянского и песковского «перуномолотов» позволяет увидеть их поразительное сходство и интерпретировать первый из них как полностью аналогичный второму. Впечатление, что горовлянское и песковское граффити мог нанести один человек, не только не случайно, но и может быть убедительно

подкреплено сравнительным анализом элементов графической схемы «перуномолота» и реконструкцией последовательности и способов их нанесения.

Тот факт, что граффито на горюлянкой монете синхронно граффито на песковской, и, таким образом, нанесено не позднее времени сокрытия Песковского клада (960-е гг.), имеет важное значение для датировки горюляноско-песковского «перуномолота» (ок. 950–960-х гг.) и определения возможной даты фрагментации горюлянской монеты (ок. 970-х — начала 980-х гг.).

§ 2. Граффито из Песковского клада 1981–1982 гг.

Монета с граффито происходит из небольшого клада, найденного около дер. Пески Вязниковского района Владимирской области в 1981–1982 гг. Клад (всего 21 монета) хранится в Отделе нумизматики Государственного музея изобразительных искусств им. А. С. Пушкина (Москва), данные о нём ранее не публиковались. Состав клада (иначе: сохранившейся части клада, так как в связи с отсутствием в клада фрагментированных экземпляров комплектность этого набора в высшей степени сомнительна) довольно сложный. Представлены дирхамы Саманидов (в том числе один «большой дирхам»), ‘Аббасидов, Бувайхидов, Баниджуридов Андаравы, правителей Волжской Булгарии, подражания, нечеканенная заготовка (определения Вяч. С. Кулешова). Младшие монеты — Саманиды, Нух ибн Наср, Самарканд, 340 г. х. (951/952) и Бувайхиды, Рукн ад-Даула и Му‘изз ад-Даула, стёртое место чеканки, 343 г. х. (954/955) — не противоречат композиционным ожиданиям. Клад сокрыт не позднее 960-х гг.

Граффито (ил. 3, 4) в виде «перуномолота», закреплённого на длинной рукоятке, заострённой у обоих концов и в свою очередь закреплённой (?) на кольце (?), нанесено перпендикулярно строкам надписи в поле оборотной стороны саманидского дирхама Насра ибн Ахмада, битого в аш-Шаше в 317 или 319 г. х. (929/930 или 931/932). Вес 3,95 г, диаметр 29,0 мм (ГМИИ, инв. № 244254). Мы глубоко благодарны Н. М. Смирнову (ГМИИ) за возможность познакомиться с этим материалом и за решение опубликовать описанное граффито.

§ 3. Граффито из Борковского клада 1951 г.

Монета с граффито происходит из клада, найденного в с. Борки Мервинского района Рязанской области (в настоящее время — в городской черте Рязани) в 1951 г. В керамическом сосуде находилось около

500 целых и фрагментированных куфических монет и два серебряных браслета, один из которых был разломан надвое. Клад разошелся по рукам. Часть дирхамов, сосуд и браслеты поступили в Рязанский областной краеведческий музей. В настоящее время в музейной части комплекса насчитывается 206 монет (РИАМЗ. КП-3419): ‘Аббасиды — 2 экз., Саманиды — 152 экз., правители Андалабы — 1 экз., Бувайхиды — 11 экз., Зийариды — 4, Ка’усиды Табаристана — 1 экз., Саллариды — 1 экз., правители Волжской Булгарии — 2 экз., подражания Саманидам — 5 экз., подражания куфическим монетам — 4 экз., неопределенные мелкие фрагменты дирхамов — 20 экз., «слепые» монеты — 3 экз. (определения А. А. Быкова и А. А. Гомзина). Младшая монета музейной выборки — фрагмент саманидского дирхама Мансура ибн Нуха, битого в аш-Шаше в 366 г. х. (976/977). Из оставшихся в частном владении были опубликованы выпускные данные 50 дирхамов: ‘Аббасиды — 3 экз., Саманиды — 34 экз., Бувайхиды — 4 экз., Зийариды — 5 экз., правители Волжской Булгарии — 2 экз., подражания Саманидам — 2 экз. (определения Е. А. Пахомова). Младшая монета этой выборки — правители Волжской Булгарии, Му’мин ибн ал-Хасан, Булгар, 366 г. х. (976/977). Клад сокрыт в конце 970-х — середине 980-х гг.

Граффито (ил. 5, 6) в виде «перуномолота» (?), посаженного на длинную рукоятку, заострённую у обоих концов, нанесено параллельно строкам надписи в поле оборотной стороны саманидского дирхама Мансура ибн Нуха, битого в Амуле в 356 г. х. (966/967). Вес 3,84 г, диаметр 26,0 мм. Монета целая, потёрта с обеих сторон, край с одним надрубом (РИАМЗ. КП 3419, инв. № 174).

§ 4. Граффито из Борковского клада 1958 г.

Монета с граффито происходит из клада, найденного в с. Борки Мервинского района Рязанской области (в настоящее время — в городской черте Рязани) в 1958 г. школьниками около строящегося дома. В керамическом сосуде находились 152 целые и фрагментированные куфические монеты. Комплекс вместе с упаковкой был передан в Рязанский областной краеведческий музей (РИАМЗ, КП 6185). Композиция: ‘Аббасиды — 5 экз., Саманиды — 114 экз., правители Андалабы — 1 экз., Бувайхиды — 13 экз., Ка’усиды Табаристана — 1 экз., Зийариды — 3 экз., правители Волжской Булгарии — 2 экз., подражания Саманидам — 9 экз., подражания куфическим монетам — 4 экз. (определения А. А. Быкова и А. А. Гомзина). Младшая монета — саманидский дирхам Нуха ибн Мансура, битый в аш-Шаше в 372 г. х. (982/983). Клад сокрыт в 980-х — начале 990-х гг.

Граффито (ил. 7, 8) в виде «мечемолота» с широкими тупыми окончаниями, заострением в верхней части и массивной расширяющейся рукояткой с перекрестьем и навершием меча нанесено на совершенно «слепую» обратную сторону саманидского дирхама Исма‘ила ибн Ахмада, чеканенного в аш-Шаше в 28[×] г. х. (единицы года потёрты; 892–901). Вес 2,63 г, диаметр 27,7 мм. Монета целая, с двумя смежными отверстиями и следами от ушка в виде зеленой патины между отверстиями (РИАМЗ, КП 6185, инв. № 22). Вертикальная линия, представляющая собою как бы ось симметрии «мечемолота», нанесена с другим нажимом и, видимо, другим режущим инструментом. Скорее всего, это «метка» для несостоявшейся фрагментации монеты: она «обыграна» в рисунке граффито.

§ 5. Ещё раз о Рождественском «мечемолоте» и Ериловском «мечетрезубце»

В качестве близких аналогий борковскому «мечемолоту» должны рассматриваться «мечемолот» на серебряной геральдической подвеске из Рождественского могильника (ил. 9) и «мечетрезубец» на византийском милиарисии из Ериловского клада (ил. 10, 11).

Первый памятник происходит из богатого мужского погребения № 37 Рождественского могильника эпохи Средневековья в Верхнем Прикамье [Крыласова, Бочаров 1994: рис. 6; Крыласова, 1995: рис. 1, 2]. На одной из сторон подвески имеется изображение трезубца Владимира Святославича (в варианте, близком к сребреникам Владимира III типа), на другой — изображение «мечемолота» с тонким молотом с тупыми окончаниями и заострённым навершием на узкой рукоятке, трактованной как меч с подчёркнутым долом (?), прямым перекрестьем и угловатым навершием. Заслуживает самого пристального внимания гипотеза С. В. Белецкого, в соответствии с которой это геральдический знак (герб) конунга Олава Трюггвасона [Белецкий 1996: с. 38–40; 2004: с. 258–259]; тесную связь этого последнего с Владимиром мы полагаем общеизвестной.

Граффито с «мечетрезубцем» нанесено на лицевую сторону византийского милиарисия Константина и Романа (945–959) из Ериловского клада (инв. № ОН-В-КК-151). Младшие монеты клада чеканены правителями Волжской Булгарии в Булгаре и Суваре в 366 г. х. (976/977). Комплекс находится в собрании Государственного Эрмитажа [Добровольский, Дубов, Кузьменко 1991: с. 23]. Граффито расположено поверх креста, несколько правее его. Жест нанесения языческого знака поверх христианского дополнительно усилен: левый край голгофы проколот резким и точным ударом кинжала. В последней по времени публикации фотографии этой

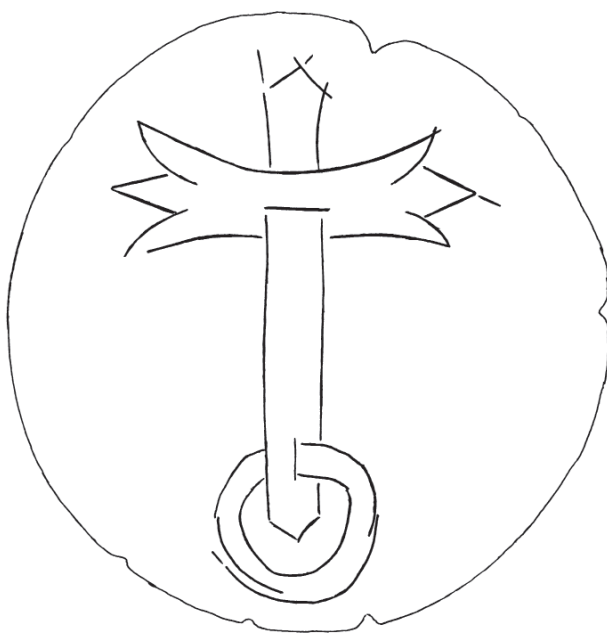
Ил. 1

Ил. 2

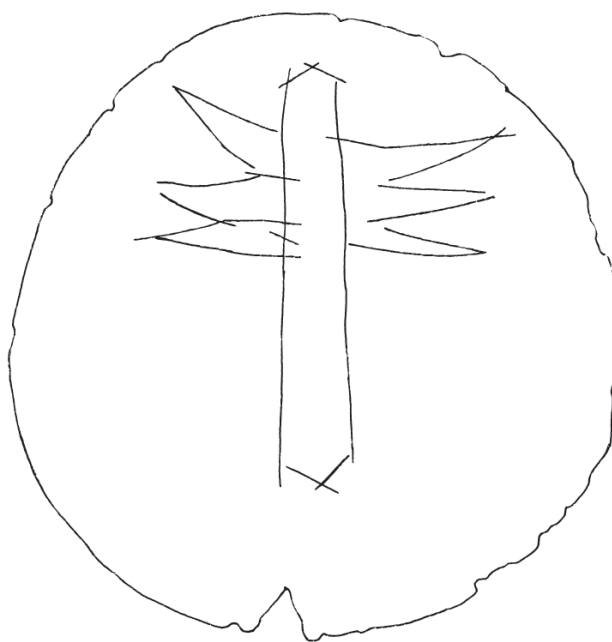
Ил. 3

Ил. 4

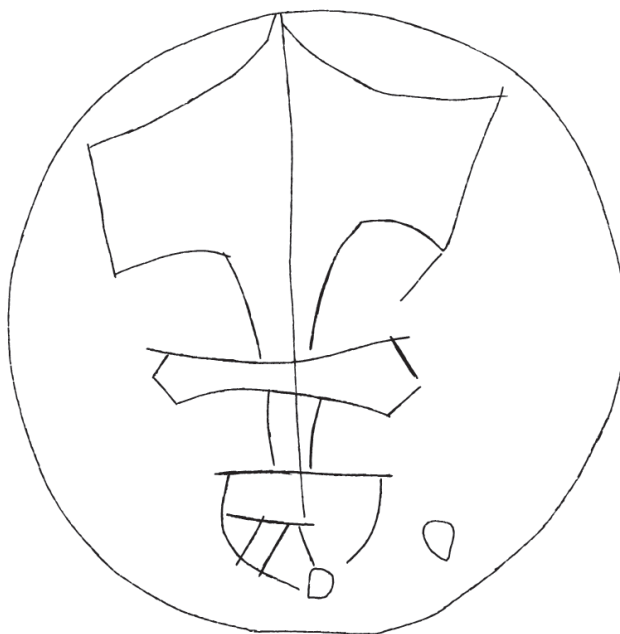
Ил. 5

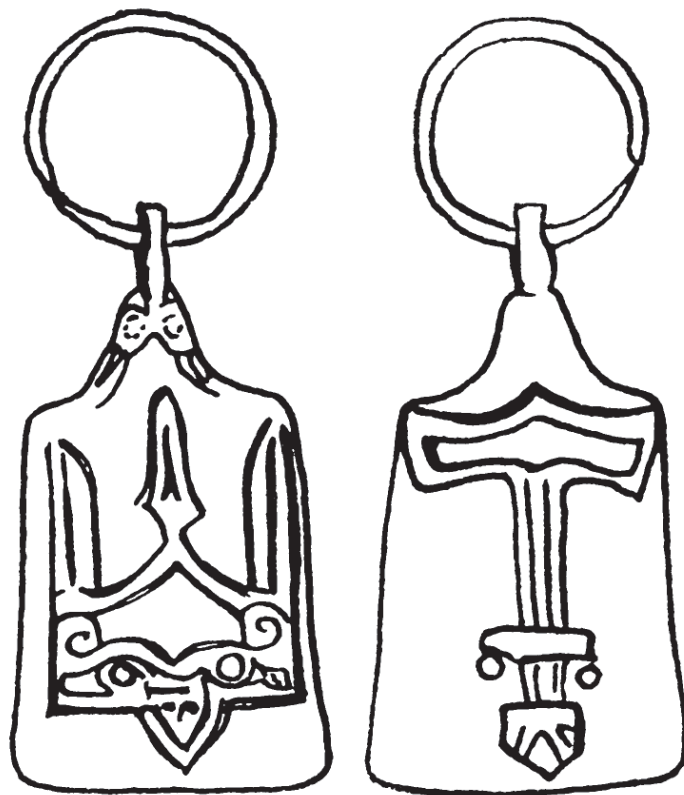
Ил. 6

Ил. 7

Ил. 8

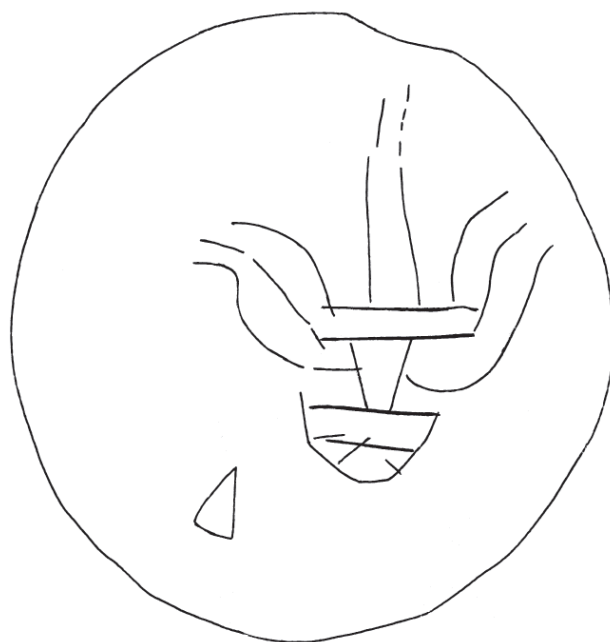

0 1 2 см

Ил. 9

Ил. 10

Ил. 11

монеты [Томсинский, Чукова, Климовцева 2007: рис. 38, нижний] этот прокол (равно как и граффито в правильном — вертикальном — воспроизведении) виден гораздо лучше, чем в книге [Добровольский, Дубов, Кузьменко 1991: рис. 15]. (К сожалению, в подписи к фотографии вкралась ошибка: вместо «денарий», следует читать «милиарисий».)

Граффито из Ериловского клада должно быть со всей непреложностью трактовано именно как трезубец Владимира [Добровольский, Дубов, Кузьменко 1991: с. 56], центральный зубец которого оформлен в виде клинка меча с перекрестьем (которым служит основание «чашки») и навершием, по облику и исполнению в точности совпадающим с навершием борковского «мечемолота».

Вопрос о том, каковы семантические аспекты включения компонента 'меч' в структуру рассмотренных геральдических знаков, нами здесь не рассматривается: этот вопрос продолжает оставаться открытым и актуальным. Можно предположить, что это — воплощение юридической и военной силы (*право меча*) и сокровенной харизмы (Владимир — *fornicator immensis!*) высшей княжеской власти.

§ 6. Хронология

Хронологическое распределение рассмотренных граффити представляется следующим:

950–960-е гг. — «перуномолоты» из Горовлян и Песков;
конец 960-х — 970-е гг. — «перуномолот» из Борков;
950–970-е гг. — «мечетрезубец» из Ерилова;
не позднее 980-х гг. — «мечемолот» из Борков;
эпоха Владимира Святославича (новгородский князь с 970 г.; киевский князь с 978 г.) — «мечемолот» из Рождественского могильника.

Таким образом, изображения первой группы («перуномолоты»), судя по всему, несколько более ранние. Предварительно они могут быть датированы третьей четвертью X в. Изображения второй группы («мечемолоты») появляются в правление Владимира Святославича и годы пребывания на Руси Олава Трюггвасона, т. е. в 970–980-е гг.

§ 7. Дальнейшее обсуждение

Большое значение имеет вопрос об истоках образа «перуномолота» (первая группа рассмотренных изображений в виде «молотков Тора»). Этот изобразительный вариант в Скандинавии и Исландии как будто бы

не зафиксирован. Более того: в традиции имеется по крайней мере одно свидетельство, в котором *мйоллнир* предстаёт как *тупое* оружие, а не как *перун*: в Снорриевой («Младшей») «Эдде» Утгарда-Локи предлагает Тору взглянуть на три квадратные вмятины (*þrjá dalir ferskeytta*), оставленных его молотом на поверхности скалы.

Невозможно пройти мимо того факта, что именно в восточноевропейской языковой среде (славянской и балтийской) имя оружия Тора (древнеисландское *mjöllnir*) прекрасно сохранило исходную этимологическую и семантическую связь с ‘молнией, перуном’, утраченную в германских языках. Переход к общегерманскому этиму этого названия (**meldunjaz*) позволяет напрямую сопоставить последнее с общеславянским **młdnī* (в традиционной нотации: **młdni*, откуда, например, русское *молния*), кельтским **meldnā* ‘молния’ (валлийское *mêllt*), латышским *milna* ‘молот Перкуона’ и древнепрусским *mealde* ‘молния’. Замечательно, что та же взаимную связь ‘молота’ с ‘громом и молнией’, исходя из прибалтийско-финского **wasara* ‘молот’ (финское *Ukon vasara* ‘молот Укко’), следует реконструировать и для древнейших этапов развития семантики ведийского *vájra*- ‘оружие Индры’. (Финно-угорское **waćara* — заимствование из индоарийского источника вида **uájra*-, тождественного этиму ведийского *vájra*-.)

Всё сказанное свидетельствует в пользу существования в X в. особой восточноевропейской трактовки ‘молотка громовержца’, отмеченной его этимологической, семантической и — как видно из «перуномолотов» — изобразительной связью с ‘молнией’. Является ли эта трактовка инновационной (связанной с историческими условиями балто-славяно-германского взаимодействия в эпоху викингов и формированием культурной специфики древнейшей *руси*) или же архаичной (связанной с переживанием элементов общего индоевропейского наследия) — в точности сказать трудно; вполне возможно (и даже предпочтительно) видеть здесь сочетание обоих факторов.

Список литературы

- Белецкий 1996 — Белецкий С. В. Подвеска с родовыми знаками из Рождественского могильника // Ладога и Северная Европа : Вторые чтения памяти Анны Мачинской (Старая Ладога, 22–23 декабря 1996 г.) : Материалы к чтениям. СПб., 1996. С. 35–40.
- Белецкий 2004 — Белецкий С. В. Подвески с изображением древнерусских княжеских знаков // Ладога и Глеб Лебедев : Восьмые чтения памяти Анны Мачинской (Старая Ладога, 21–23 декабря 2003 г.). СПб., 2004. С. 243–319.

- Добровольский, Дубов, Кузьменко 1991 – *Добровольский И. Г., Дубов И. В., Кузьменко Ю. К.* Граффити на восточных монетах. Древняя Русь и сопредельные страны. Л., 1991.
- Крыласова, Бочаров 1994 – *Крыласова Н. Б., Бочаров И. В.* Раскопки средневековых могильников в Верхнем Прикамье // Археологические открытия Урала и Поволжья. Йошкар-Ола, 1994. С. 79–82, 172.
- Крыласова 1995 – *Крыласова Н. Б.* Подвеска со знаком Рюриковичей из Рождественского могильника // Российская археология. 1995. № 2. С. 192–197.
- Томсинский, Чукова, Климовцева 2007 – *Томсинский С. В., Чукова Т. А., Климовцева Е. С.* Древняя Русь. СПб., 2007.